

Секция «История России с древнейших времен до начала XX века»
**Значение иконографии вручения меча в миниатюрах Радзивилловской
летописи**

Дятлова Мария Валерьевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории России до начала XIX века, Москва, Россия

E-mail: unentrinnbar@gmail.com

Тезис о престижном или символическом значении мечей в средневековой культуре давно стал общим местом в историографии. Широко известно значение мечей и вообще оружия в культуре викингов [4]. В частности, именно на оружии клялась «русь» при заключении договоров с греками. В дальнейшем в древнерусской культуре почитание мечей сохранилось. Согласно Русской Правде (ст. 23-26, 30 пространной редакции) штраф за удар обнажённым мечом был ниже, чем за удар мечом в ножнах или каким-то другим предметом, то есть удар мечом расценивался как менее оскорбительный.

Радзивилловская летопись (БАН, 34.5.30; далее - РЛ) тоже отражает это особое отношение к мечам. Часто с мечом изображаются князья, послы, бояре и разные другие приближённые к князю люди. Иногда мы находим меч даже там, где он не имеет никакой определённой функции, например, на л. 107 он просто прислонён к княжескому престолу. Мечи любил дорисовывать мастер, который правил миниатюры РЛ, поэтому они нередко написаны вторым слоем, так же как и другие статусные элементы - княжеские шапки и нимбы. Всё это свидетельствует о важности (в первую очередь, для самого художника) присутствия мечей на миниатюрах не батального содержания. Следует отметить, что византийская иконография не знает подобного обилия мечей в мирных сценах: в искусстве Византии правитель мог изображаться с оружием в руках только в образе римского полководца-триумфатора [2, с. 38-40].

Среди более чем шестисот миниатюр РЛ есть один тип иконографии, который при изучении мечей заслуживает особого внимания. Эти миниатюры изображают вручение поднятого обнажённого меча князю более старшим князем (лл. 73, 157 об., 171, 186) или горожанами (лл. 101, 101 об., 120 об., 204, 221). Восемь из девяти этих случаев касаются ситуации интронизации, передачи стола, приглашения князя горожанами.

Итак, если иконография вручения меча обозначает передачу власти над городом, то тот, кто передаёт меч князю на миниатюрах, является в глазах миниатюриста носителем и источником власти. Нередко в такой роли выступают представители горожан, и чаще всего изображение их активных действий напрямую отражает содержание текста. Действительно ли ритуал интронизации мог предполагать получение меча из рук разных людей, или он всегда вручался, например, епископом - отдельный вопрос. Разберёмся сперва, насколько вероятно вообще использование меча как инсигнии в домонгольской Руси.

В пользу версии об употреблении мечей в ходе интронизации говорит одно псковское сообщение о Довмонтовом мече. Этот клинок, по легенде принадлежавший в конце XIII в. псковскому святому князю Довмонту-Тимофею, после его смерти стал одной из местных святынь и долгое время хранился в ризнице Троицкого собора, пока не был передан в музей. Археологически он в действительности относится к XIII в. [3, с. 38-40]. Симеоновская летопись упоминает этот меч в связи с походом Василия II Тёмного в Новгород в 1462 г. и посадением Юрия Васильевича на столе во Пскове: «Ходил князь велики к Новугороду Великому миром... А из Новагорода послал князь сына своего Юрия в Псков... и приаша Псковичи его с великой честию, и посадиша его на столе в Святей Троицы, и даша мечь

в руке его князя Даманта» [5].

Псковские данные вызывают ряд вопросов. Во-первых, протограф Симеоновской летописи был составлен лишь во второй половине XV в., то есть в ту же эпоху, когда была иллюстрирована и рукопись РЛ. Поэтому невозможно датировать традицию использования мечей-реликвий в ритуалах домонгольским периодом без дополнительных доказательств. Напротив, совпадение миниатюр РЛ и псковских данных могло бы послужить аргументом в пользу псковского происхождения Радзивиловской рукописи (такая гипотеза обсуждалась [1, с. 235-238]). Во-вторых, все эти примеры касаются вольнолюбивого Пскова, и совсем не факт, что в остальных русских землях вокняжение происходило точно так же. Наконец, Довмонтов меч - уникальный предмет, и его символическое употребление в XV в. Юрием Васильевичем могло не совпадать с функциями обыкновенного княжеского меча домонгольской поры.

Частично проблему решает сопоставление визуальных источников. Как было показано выше, практически все ситуации передачи меча на миниатюрах РЛ означают передачу власти над городом. Такая же иконография, как в РЛ, (вручение меча правителем) встречается в Тверской Хронике Георгия Амартола первого десятилетия XIV в., хотя там эти миниатюры (стб. 129а и 131в) неточно передают содержание текста. Миниатюрист, должно быть, заимствовал её из более ранних древнерусских источников, игнорируя неполное совпадение её с текстом. Соответственно, уже к XIV веку традиция вручения меча князем уже сложилась и получила устойчивый тип изображения. Поэтому вопрос о времени и месте происхождения исследуемой нами традиции решается в пользу XIII века или более раннего периода, и, очевидно, она не была исключительно псковской.

Остаётся последний вопрос - о различии ритуального использования меча-реликвии XV в. и обыкновенного княжеского меча домонгольской эпохи. Упоминание меча святого князя Бориса у Андрея Боголюбского в момент его убийства тоже подтверждает факт ношения даже самых ценных мечей самими князьями: «Блаженъ же въскочи, хотѣ взяти меч, и не бысть меча: бѣ бо вынялъ Амбалъ томъ дни, ключникъ его. Тои меч бѣше святаго Бориса» (РЛ, л. 214 об). То есть этот меч, имевший особый статус и свою историю (пусть даже легендарную), находился всегда при князе и использовался Андреем по назначению, а не в качестве церковной реликвии. Вероятно, практика хранения особо ценных мечей в ризницах соборов сложилась позднее, в XIV веке.

Итак, приведённые выше наблюдения свидетельствуют об употреблении в Древней Руси по крайней мере в XIII-XV вв. меча в качестве символа княжеской власти и даже инсигнии в момент восшествия князя на престол. Вопросы о происхождении этих функций, о том, был ли при каждом столе свой особый меч-инсигния, как в Пскове, или же могли использоваться разные мечи, и о конкретном распорядке ритуала интронизации пока остаются открытыми.

Источники и литература

- 1) Грабар А. Император в Византийском искусстве. М., 2000.
- 2) Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX - XIII веков. Археология СССР. Свод археологических источников под общ. ред. акад. Б. А. Рыбакова. Вып. 1. М.-Л., 1966.
- 3) Лебедев Г. С. Этюд о мечах викингов // Клейн Л. С. Археологическая типология. М., 1991. С. 280-304.
- 4) ПСРЛ. Т. XVIII. Л. 436 об.-437.